

Василий Целетнев

Зимба Огунохур

12+

Василий Павлович Щепетнев

Битва Одиноких

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68028694

SelfPub; 2022

Аннотация

Вернувшиеся из дальнего полёта, космонавты попадают в мир магии и меча. Но ведь это наши космонавты, коммунистические, а нет таких крепостей, которые не могут взять коммунисты!

Содержание

Пролог	4
I	10
II	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Василий Щепетнев

Битва Одиноких

Пролог

Панцирь, ещё весною просторный до гулкости, сейчас был только-только впору. Скоро Малышу отойдет.

Малыш сокрушенно смотрел на целое перо браухля.

– Не получается. Меч, наверное, притупился.

– Меч хорош, просто нет у тебя резкости в руке. Смотри, – Ван-Ай подкинул перо и, пока оно падало, раскрошил его в снег. – Подрастешь, научишься.

– Подрастешь... Дедушка в тринадцать лет этим мечом зарубил вурдалака. Ты сам рассказывал: дедушка вместе с сестрёнкой гуляли в роще, и на них напал вурдалак. Был бы он с деревянной саблей, что тогда?

– Вот стукнет тринадцать, окрепнет рука, тогда и за меч берись. А пока терпи.

– Я терплю, – вздохнул Малыш. – Только поскорее бы. Каждый воин на счету.

– Боишься не успеть?

– Боюсь, – честно ответил Малыш. – Вдруг моего меча и не хватит.

– Тут не меч главное.

– Всё равно. За стенами не отсидеться. Что-то нехорошее рядом.

– Мы уж постараемся продержаться. А ты быстрее расти.

– Я расту, только...

За окном сыграли вечернюю зарю.

– Завтра поговорим. Я тебе прием покажу, наш, семейный. И деревянная сабля в умелой руке дорогого стоит.

– «Удар сапсана», да? Научи! А то я пробовал, пробовал...

– Научу. Но сейчас мне пора, опоздаю.

Ван-Ай поспешил на малый плац. А Малыш с пониманием, даром, что пузырь. Чутьё есть. Вдруг и прозреет?

Рыцарь-послушник неодобрительно покачал головой – Ван-Ай пришёл последним.

Из шести кадетов зрячими были двое – он и Дор-Си. Хорошо. Хуже, что их поставили в одну тройку. Вторая оставалась слепой. Конечно, глазами они увидят всё – и конного, и пешего, и пластуна, но вот Тень... Тень видят только зрячие.

Сегодня ему выпало стоять на Полуденной Глаз-башне. Сектор обзора – Белые скалы, край Тёмного леса, Каменная степь и излучина Шаршка. Самый трудный участок, и самый интересный.

Сумерки пали быстро, и Россыпь Углей медленно закружила над чёрною землёй.

Ван-Ай тщательно устроился в вертящемся кресле: до Ча-

са Ведьмы далеко, он должен сохранить бодрость и внимание. Не один воин пропал из-за одревеневшей шеи, затекшей ноги или натёртого глаза. Удобство – то же оружие.

Он внимательно, неспешно просматривал свой сектор, не загорится ли где сигнальный огонь, но мирно было вокруг. Силу дома Кор признавали даже лесовики – умом ли, чутьём, а крепость обходили. Но может найтись безумец, сколотить банду таких же безумцев и попытаться напасть на Крепость в надежде разбогатеть раз и навсегда.

Алый Глаз замигал на прощание, опускаясь за Тёмный лес. Ночь наполнилась обычной разноголосицей – в реке развились панцирники, тяжёлые удары плавников о воду разносились по равнине до самых Белых Гор и эхом возвращались назад, на опушке Тёмного Леса страстно трубил, призывая подругу, опоздавший к лету мамонт, а совсем издалека, из Каменной Степи доносилось тьяканье шакалов.

Ван-Ай просигналил на Глаз-башню Восхода, корнету Дор-Си:

– Слушай!

Тот откликнулся. Все в порядке, вахта идёт своим чередом. Сейчас Дор-Си проверит третьего, корнета Мен-Се. Не от недоверия, нет, но всяко бывает. Уснул же дозорный Замка Лец под пение сирены, что стоило жизни и ему, и ещё полусотне человек. В окрестностях Крепости сирен не видели, так ведь – пока не видели.

Ван-Ай потянулся за фляжкой. Огороднику, что вывел ка-

раульные бобы, в пору построить храм. Великий человек. Если бы ещё и вкус у них был получше, у бобов!

Он с лёта сделал глоток, через силу – второй. Третий под силу разве что закаленному рыцарю. Но и двух довольно, чтобы противиться всем сиренам тьмы.

Кадет прикрыл на мгновение глаза, усмиряя бунтующий желудок. Усмирил.

Поднявшись, он прошёлся вдоль парапета. Для верности стоит подумать о чем-нибудь отвлекающем.

Зимой его могут перевести в патрульный отряд, а оттуда рукой подать до железных шпор послушника. Если в Крепости узнают, что он прозрел, то отошлют в родительский Дом. Крепость не вправе воспитывать магов из чужого Дома. А рыцарь-послушник волен оставаться там, где хочет. Их трое, зрячих, и лет через пять, как знать...

Он вздрогнул не от крика – от тишины. Волною она накатывала на Крепость – замолк мамонт, поджали хвосты шакалы, стихла медвежья возня в пещерах Белых Скал, и только панцирники продолжали свои бесстрастные игры – то ли они не чувствовали Тень, то ли не боялись.

Он задержал дыхание. Пятьдесят ударов сердца, сто, сто пятьдесят... В ушах звенело, перед глазами поплыли багровые круги, но сквозь бешенную их круговерть начала проступать Суть. И Крепость, и Степь, и Лес, и Горы – всё стало иным, незнакомым. Что истина, что морок – сейчас он об этом не думал. Тень – вот что он искал.

Она была здесь. И даже в Изменённом Мире она казалась чужой.

Ван-Ай дышал тихо, словно боялся, что Тень его услышит. Да и боялся, чего уж скрывать, но главное было – остаться зрячим. Вздохнешь глубоко – и мир опять станет мелким и тусклым. А главное – он станет беззащитным перед Тенью.

Тень приближалась, вот уже она миновала второй рубеж, поднялась к стенам Крепости. Он почувствовал покалывание в пальцах.

Пятый раз встречался он с Тенью, но никогда она не подходила так близко. Слишком близко! Теперь Тень плыла над стеною – медленно, но неотвратно приближаясь к Глаз-башне Восхода.

Как там Дор-Си? Колокольчик его поста звякнул тихо, едва-едва. Или это ветерок?

Он просигналил в ответ. Руки словно с мороза, чужие.

Тень замедлила своё движение, затем остановилась. От неё до площадки Дор-Си – расстояние пики. Каково ему?

Он ещё раз дернул сигнальный шнур. Молчит Дор-Си. Объявить тревогу? Но ни начальник караула, ни начальник стражи, ни сам Командор ничем помочь не могли. Они даже не увидели бы Тень. Что тогда станет с ним, с Дор-Си, с миссией?

Внезапно Тень отошла от Глаз-башни Восхода. Ну, наконец. Совершенно необычное поведение тревожило и пугало.

Зачем приходит Тень? Что они, зрячие, могут сделать?

Тень поплыла прочь. Скорее, уходи скорее.

Словно услышав, она остановилась. Потом развернулась и полётела к Глаз-башне Ван-Ая.

На него повеяло холодом. Не тем холодом, что приносит полуночный ветер зимой, и не тем, что таится на дне Белого озера. Тот холод можно превозмочь – движением, волей, можно и костёр развести, или найти укрытие. Но сейчас холод сразу лизнул сердце и уже оттуда, изнутри, растекся по жилам.

Непослушными руками он потянул тревожный шнур. Среди рыцарей дома Кор нет магов. Но будь кто-нибудь из них рядом, холод бы отступил.

Руки онемели. Он не знал, удалось ли подать сигнал.

Тень подплыла совсем близко, ему показалось, что он различает глаза, мириады бесстрастных, изучающих глаз. Ван-Ай попытался найти в себе хоть искорку огня. Малыш. Мать. Дом.

Ему казалось, что он слышит хруст собственных мышц. Преодолевая боль, Ван-Ай вытащил меч. В Доме Кор его не учили магии. Но дали другое, быть может, не менее ценное.

Он вскочил на барьер, бросился на Тень и ударил так сильно, как только мог.

I

Приборы сегодня резвились пуще обычного, и Фомин получил результат в последнюю минуту. Минуту, как же! Кто теперь считает минуты? Разве повара. Да и те больше пользуются стихами. Часы могут разбиться, они дороги, надо за ними следить, переворачивать, удалять мушиные следы, кое-где и налог платить, а стишок читается сам собою совершенно даром. Стишок всмятку, элегия в мешочек, поэма вкрутую. Часовщики и стеклодувы оттого преисполнены злобой критикой. Молчание – золото, утверждают они, а постоянное чтение «поэмы о горшке» породило больше идиотов, чем зелёная горячка.

Он поймал себя на том, что и сам бормочет прилипчивые рифмы:

«Вот горшок пустой! Он предмет простой! Он никуда не денется! И потому горшок пустой, И потому горшок пустой Гораздо выше ценится!»

Не полагаясь на приборы, он сам выверял каждый шаг анализа. По памяти – раз, по справочнику – два и по часам – три. Электроника теперь порождает больше проблем, чем решений, самые простенькие схемы прониклись манией величия, иногда дважды два четыре, но чаще – сапоги всмятку. Лишь память о былом совершенстве не позволяла выбро-

свить чудеса двадцать первого века на свалку. Пусть постоит в запаснике – рядом с бронепоездом. Вдруг когда-нибудь мир покатит по старой колее...

Но вряд ли. Никакой колее нет и в помине. Особенно железнодорожной. И потому пора заполнять старые формы новым содержанием. Вливать вино свежего урожая в старые титановые дистилляторы. Стальной арифмометр идёт на смену электронной цифрушке!

Он нарочно думал о вещах отвлечённых. Так врачу, оперирующему близкого человека стоит представить, будто перед ним гомункулус, бездушный манекен. Иначе эмоции просто разорвут. Толика резонерства, по мнению психологов, заменяет рюмку водки. Как и с водкой, главное – знать меру, не заливаясь.

Дежурный корнет у входа в рыцарский зал отсалютовал Фомину. Бодрый мальчик. Уверенный в завтрашнем дне. Попал в дом Кор. Лучшей судьбы и желать нельзя. Рыцарская академия. Наступление, встречный бой, оборона, отход, разведка, контрразведка, рукопашный, сабельный, огневой контакт, минирование, контрминирование, штурм, осада, танцы, языки Степи, рисование, сопротивление материалов, конкур, правописание и прочая, и прочая. Всё, что нужно знать соискателю золотых шпор. Родственники рады – есть куда пристроить бедных сироток. Укрепление связей между Домами. Империя, как одна большая дружная семья. Сам Император выказал монаршее благоволение и освободо-

дил дом Кор от всех имперских налогов, покуда рыцари будут принимать к себе на воспитание благородных сирот. Держать своё слово Император будет до той поры, покуда не соберется с силами и не подчинит себе строптивцев. Мы уж постараемся, чтобы такого не случилось в ближайшие два три поколения. Хотя кое-кому кажется, что единственно надёжный путь для этого – самим встать во главе империи. Или даже её основать, потому что существующее образование – рыхлый конгломерат отдельных Замков, подобие до-татарской Руси.

Стол в Рыцарском зале, как и положено, был круглым. Но всяк знал цену своему кусочку дуги.

Фомин сел

– Могли бы и не торопиться, доблестный рыцарь. Медикус Нарейка проводит консилиум.

– Консилиум? С кем же?

– С учениками, доблестный рыцарь. У медикуса учеников много... – Картье говорил добродушно, но не требовалось особой пронизательности расслышать в добродушии горечь. Действительно, медицине, воинскому делу, даже неблагородному но прибыльному искусству агрономии учились со рвением и приходили в Академию из самых отдаленных закоулков Белой Земли, порой совершенно неведомых. Но специалистам по гатрамонным двигателям, торсионным полям или даже солеологам ученика найти труднее. Нет, интеллектуальные способности поколений Преображения мало

чем отличались от поколений двадцать первого века, только зачем рыцарю, будь он воин, начальник стражи, экономай, даже барон – знать особенности строения третьего слоя фотосферы Сириуса? А Картье был именно солеологом. Пришлось переквалифицироваться, как, собственно, большинству экипажа. Например, Фомину, бортмеханику широкого профиля. Единственный корабль с гатрамонным двигателем размещен на «Гагарине» в режиме полной консервации. Похоже, Небесы, и не прочь спровадить гостей из Межпотопья в новую прогулку лет этак на миллион, да всё думают, думают...

– Покуда доблестный рыцарь Нарейка проводит свои высокомедицинские исследования, я кратенько обрисую положение, для тех, кто, может быть, за узкоспециальными вопросами смутно представляет картину в целом. Во всяком случае, наверняка это будет полезно мне. – Картье немного нервничал. Ещё неизвестно, как бы на его месте повёл себя он, Фомин. По уставу, само собой, но по какому уставу? У каждой службы – свой.

– Командор намеревается присутствовать. Дистанционно, разумеется, – у Картье, действительно, нешуточные причины нервничать.

– Командор уже присутствует, – голос из рупора дребезжал не больше прежнего. И у плохой акустики есть свои достоинства: на неё можно списать свою слабость и чужую силу.

Рыцари встали, выражая почтение.

– Сожалею, но не могу ответить тем же, экипаж. Итак, что у нас стряслось? – судя по всему, командору было не хуже, чем обычно.

Картье доложил перед собой бумажный лист, но докладывал, как обычно, по памяти.

Прошлой ночью на дежурство наблюдателей заступила группа кадетов, шесть человек, старший наблюдательной группы рыцарь-послушник Барк. В час Браухля с Полуденной Глаз-башни, где располагался пост корнета Ван-Ая, на пульт караульного помещения поступил сигнал тревоги. Рыцарь-послушник Барк тут же затребовал повтор, но ответа не получил. Тогда он просигналил на остальные смотровые Глаз-башни – Глаз-башню Восхода и Глаз-башню Тьмы. Корнет Мен-Се с Глаз-башни Тьмы передал условный сигнал «Опасности нет». Корнет Дор-Си на сигнал не ответил.

Рыцарь-послушник передал тревожный сигнал начальнику стражи – как известно, временно эти обязанности приходится исполнять мне. Я вывел тревожный отряд, состоящий из старших кадетов и рыцарей-послушников. Никаких признаков вторжения, диверсии и прочих нештатных ситуаций на территории крепости замечено не было. Но у подножия Полуденной Глаз-башни было обнаружено тело корнета Ван-Ая без признаков жизни. Наружный осмотр при свете факелов не выявил следов борьбы, хотя в правой руке корнет держал обнаженный меч. Более того, часть меча, около вершка,

была обломана, но при самом тщательном поиске фрагмент не был найден. Сразу отмечу, что повторный поиск, проведённый уже после восхода солнца с использованием магниторезонансной аппаратуры, любезно предоставленной доблестным рыцарем Фоминым, также не дал результатов. Рядом с телом корнета была обнаружена субстанция в виде порошка чёрного цвета в крайне незначительном количестве. Я собрал эту субстанцию, по-видимому, крайне способную к сублимации, в герметический контейнер для передачи досточтимому рыцарю Манарову.

Все посмотрели на биохимика. Тот склонил голову, подтверждая сказанное но не желая прерывать

– Вход на Полуденную Глаз-башню был, как и положено, опечатан начальником наблюдательной группы рыцарем-послушником Барком. Разумеется, сведущий человек мог бы открыть вход, но незамеченным это действие не осталось бы. Впрочем, никаких, совершенно никаких признаков проникновения постороннего не было. На самом наблюдательном посту никаких вещей и следов, свидетельствующих о наличии посторонних или постороннего, не было. Узел связи работал штатно.

Мы перешли к Глаз-башне Восхода. Вход в Глаз-башню также оставался запечатанным. Я поднялся наверх и обнаружил корнета Дор-Си без видимых признаков жизни. Во всяком случае, ни дыхания, ни сердцебиения уловить не удалось, тело производило впечатление остывшего, хотя заме-

ров температуры не проводилось.

Обстановка на смотровой площадке Глаз-башни Восхода была в образцовом порядке, никаких следов постороннего присутствия не обнаружено.

Тела обоих кадетов были доставлены в лазарет, где ими и занимается наш достопочтенный медикус. Тем временем мы провели – и проводим сейчас – самый детальный осмотр Крепости и окрестностей.

– Что вы надеетесь найти? – спросил командор.

– Маленьких зеленых человечков. Зловещего типа в чёрном плаще и с клыками, обогранными кровью. Гипноизлучатель «НВЧС». Простите, командор, я не знаю, что мы должны найти. Что-нибудь. Боюсь, не найдем ничего. Пройдём мимо, не обратив внимания. Или уже прошли.

– Я рад, что вы не возлагаете больших надежд на поиски, но, тем не менее, ищите. Ищите!

– Ищем.

– А третий корнет? – экономом Крепости Панин был человеком практичным, и потому предпочитал методы простые, проверенные.

– Корнет Мен-Се жив, здоров и готов предстать перед рыцарским собранием, – отозвался Картье.

Старшина – ещё из Первой Деревни, один из немногих уцелевших крестьян после Первого набега лесовиков, ввёл кадета. Вид у того хмурый, но спокойный.

– Кадет Мен-Се с чистым сердцем пришёл на Совет Ры-

царей!

– Расскажи-ка, дружок, что ты видел во время дежурства? – спросил эконо́м. Ласково спросил, но кадет не смутился.

– В секторе, доверенном мне, не случилось ничего необычного, угрожающего, заслуживающего специального упоминания. Даже сейчас, зная о происшествии с корнетами Ван-Аем и Дор-Си, я не могу сказать, что чувствовал, видел или слышал приближение опасности.

– Вы говорите о своём секторе, кадет. Но, может быть, в других секторах?

– Тут я не могу сказать наверное, доблестный рыцарь. Во время дежурства отвлекаться нельзя. Но если бы случилось что-нибудь, я бы услышал. Ночь была тихая. Очень тихая. Только...

– Да?

– Меня беспокоит не то, что я слышал, а то, чего не слышал. Я не слышал шума падения кадета Ван-Ая.

– Но между Тёмной Глаз-башней, где находились вы, и Полуденной – весьма значительное расстояние, к тому же занятое постройками.

– Да, и днём я бы, конечно, не мог ничего услышать. Но ночью, особенно этой ночью...

– Эта ночь была особенной?

– Тихой. Даже степные шакалы молчали. Я слышал плеск панцирников с излу́чины реки, а это куда дальше, нежели

Полуденная Глаз-башня. Нет, я должен был услышать падение.

– Но не слышали.

– Да. И это меня беспокоит.

– Больше ничего?

– Сейчас мне думается, нет.

– Если вспомните что-нибудь, каким бы пустяком это не казалось – обращайтесь сразу к своему наставнику – или к любому рыцарю.

– Я так и поступлю, доблестные рыцари!

Кадет покинул зал.

Фомин посмотрел ему вслед. Ушёл, а загадку оставил.

– Позвольте, и я внесу свою долю, – сказал он.

– Долю чего? – вздохнул, спросил Картье.

– Непонятно.

– Я надеялся, что уж вы-то скажете что-нибудь положительное, прочное, надёжное.

– Рад бы, но... Мне был предоставлен меч кадета Ван-Ая. Скажу сразу – никаких следов биологического характера на клинке не было, за исключением обычных представителей микрофлоры.

– Что вы имеете в виду?

– Как не старайся держать оружие в чистоте, всегда к клинку прилипают споры, бактерии, частицы пыли. Я сделал смывы и передал их доблестному рыцарю Манарову, – биохимия ближе ему, чем мне и, возможно, он извлечет боль-

ше сведений, нежели удалось мне. Меня беспокоит другое. Меч, типичный булат Сур-Альской работы, является чрезвычайно крепким инструментом. Для того, чтобы его переломить, требуется большое усилие. Очень большое. Практически недостижимое в условиях боя. Но меч и не был сломан – структура поверхности такова, словно отсутствующая часть просто исчезла.

– Исчезла? Срезана плазменным лучом?

– Нет. При контакте с плазмой, каким бы кратковременным он не был, остаются специфические изменения. Здесь же – ничего. Совершенно ничего. Просто исчезла часть – и всё. Как это могло случиться, я не знаю. С позиций науки это немыслимо.

– Значит, немыслимо. Был клинок – и нет клинка. Растворился.

– Не растворился, Картье. Если бы растворился, я бы так и сказал. Исчез.

– Утешили. Клинок исчез. Кадеты мертвы. Никаких следов. Что прикажете делать?

– Доблестный рыцарь Нарейка, – возгласил старшина.

Фомин с облегчением сел. Все, теперь пусть Нарейка скажет что-нибудь положительное, прочное, надёжное.

Доктор пришёл в Костюме Биологической Защиты

– Простите, но слишком много времени уходит на асептические процедуры. Работы выше головы. Проще поменять костюм. Если кому-либо интересно, могу сообщить – корнет

Дор-Си в состоянии парабิโอ́за.

– Простите, чего? – подчеркнуто вежливо ответил Картье.

– Другими словами, Дор-Си застыл на грани жизни и смерти. Биохимические процессы протекают по анаэробному типу, то есть организм не нуждается в кислороде. Но скорость процессов чрезвычайно низка. Больше всего это напоминает спячку, но спячку глубочайшую. Что-то подобное пытались достигнуть по проекту «гибернация», для глубоких полётов, но на момент нашего отлёта дальше опытов над головастиками дело не продвинулось.

– Вы можете разбудить кадета? – спросил эконом.

– Нет.

– А пытались?

– Я не уверен, что это следует делать наугад. Напротив, любая непродуманная активность может привести к катастрофическим результатам. Смерти. Или чего-нибудь похуже.

– Так что же вам удалось сделать, доктор Нарейка?

– Поместить кадета в саркофаг. Надеюсь, что броня его будет достаточно крепка.

– У вас есть для этого причины?

– Мозг кадета излучает омега-волны. Подобное мы наблюдали лишь дважды – в случае с Волкогоновым и... – он осекся. Редкое состояния для доктора.

– И в моем случае, не так ли? – проскрежетал голос из рупора.

– Да, командор. У нас нет данных, являются ли омега-волны свидетельством перестройки организма, или это просто второстепенный, малозначащий признак. Два случая – ещё не статистика.

– Теперь их три. Но оставим. Другой кадет, Ван-Ай, он мёртв?

– Да. Но не оттого, что упал с Глаз-башни.

– Нет?

– Высота Глаз-башни такова, что при падении с неё проявились бы несомненные признаки: вколоченные переломы, например. Ничего этого нет. Кости и внутренние органы совершенно целы. Если падение и имело место, то с высоты самой небольшой, не выше человеческого роста. Легкие ссадины на коже, вот и всё.

– Но отчего же тогда он умер?

– Обширный инфаркт миокарда. Практически тотальный. Для молодого юноши это необычно, но не невероятно.

– Невероятно тут другое, – задумчиво проговорил Картье. – Как можно упасть с этакой высоты и не разбиться?

– Не знаю. Я при падении не присутствовал. Но если доблестный рыцарь сомневается, тело Ван-Ая всё ещё находится в секционной. Прошу.

– Я совершенно уверен в справедливости ваших выводов, доктор Нарейка. Просто я в недоумении.

– Боюсь, мое сообщение только усилит это чувство, доблестный рыцарь, – казалось, деликатный Манаров не хотел

расстраивать Картье.

– Давайте, чего уж там. Разбился контейнер?

– Нет, не разбился. Контейнер хороший, рассчитан на двести атмосфер, ещё с корабельных запасов. Когда мне его доставили, я заметил, что внутри располагается тёмная полупрозрачная субстанция. Чёрный Туман, если вы позволите (Манаров баловался поэзией, и читать его отчеты рвался не каждый).

Как раз в это время проходила заключительная часть синтеза средства Аргента. Исключительно интересное вещество: метаколлоидное серебро в мю-связи с...

– Гм, – кашлянул Картье.

– Простите, я отвлёкся. Но вернуться к контейнеру удалось только через три склянки. Увы, к этому времени он был пуст.

– Как – пуст? Его кто-то раскрыл?

– Нет, он оставался герметически закрытым – да я его запер в сейфе. Привычка, знаете ли.

– Тогда куда же делось содержимое?

– Не только содержимое, доблестный рыцарь. Контейнер был пуст буквально.

– Что вы хотите этим сказать?

– Доблестный рыцарь Фомин уже упомянул о недостижимости чистоты: пыль, споры, микроорганизмы всегда присутствуют вокруг нас. Контейнер, хочу напомнить, представляет собою пустую прозрачную емкость. Не совсем пустую, остаточное давление десять в минус двенадцатой атмосферы

остаётся, но для наших нужд этого обыкновенно достаточно. В глубоком космосе мы применяем другие контейнеры, с гораздо более высокой степенью вакуума, потому что...

– Гм, – во второй раз кашлянул Картье.

– Простите, я опять отвлёкся. Так вот, для сбора материала открывается вентиль, и внутрь контейнера проникает та или иная субстанция, пятьдесят миллилитров, после чего контейнер опять герметически закрывается. Повторно открыть его можно, лишь сломав предохранитель. Сделано это во избежание контаминации материала.

Когда я поместил контейнер в аналитическую камеру и присоединил его к специальному резервуару, так же с вакуумом десять в минус двенадцатой, то выяснилось, что содержимого в контейнере нет. Более того, давление понизилось ещё больше. Напрашивается объяснение – я перепутал контейнеры. Но это просто невозможно.

– Более невозможно, нежели таинственное исчезновение содержимого?

– Именно так. Я потом посчитал – давление в контейнере снизилось до десяти в минус двадцатой. Возможно, даже больше, но это предел чувствительности моей аппаратуры. Такими контейнерами мы не располагаем.

– Но вы говорили, что для глубокого космоса есть какие-то особые контейнеры.

– Их спутать невозможно. Они иные и по виду и по размеру. Не спутаешь же кошку с драконом. К тому же те контей-

неры остались на «Королёве», здесь в них просто нет нужды.

– Прекрасно, – Картье, похоже, и в самом деле, почувствовал уверенность в себе. – Подытоживая, можно отметить: причина гибели кадета Ван-Ая и странного состояния кадета Дор-Си неизвестна. Отчего сломался меч Ван-Ая и куда исчез фрагмент – опять неизвестно. Чем являлась тёмная субстанция, обнаруженная рядом с телом – в третий раз неизвестно. Куда она делась из герметического контейнера, да ещё прихватив с собою всё до последней молекулы – в который раз неизвестно. Задача с очень многими неизвестными. Именно то, что нам сейчас и необходимо. Маленький подвиг ко дню годовщины Отлёта.

– Вы напрасно иронизируете, друг Картье, – поднялся доселе молчавший Гречко, – могло быть гораздо хуже.

– Например?

– Например, банальная вражда, ссора между кадетами, приведшая к смерти.

– Вы думаете, что подобное было бы худшим событием?

– Безусловно. Сегодня кадеты начнут смертоубийство, завтра послушники, послезавтра мы сами. Нет, я предпочитаю иметь дело с неведомой угрозой, сколь бы велика она не была. Одолев врага внутреннего, всё равно станешь слабее. Одолев же внешнего...

– А если – не одолев?

– Мы ведь отчего полётели к Маленькому Муку? Отчего не остались у Небесов? Отчего, наконец, не стали вассалами

Императора? Потому, что хотели чего-то большего, нежели покой. Вот мы и получаем желанное. Встречу с магией.

– Вы так считаете?

– И вы тоже, друг Картье. Да и каждый из присутствующих.

Фомин медленно кивнул. Конечно, это магия. Или, если уж очень хочется остаться на материалистическом фундаменте, пока ещё не познанные природные явления.

– Хорошо, допустим, вы правы. Магия. Что дальше? Среди нас магов нет. Обычные инженеры, космогаторы и прочие представители эры Межпотопья. Я б и рад переучиться в мага, да талантом обделен.

– Скорее, доблестный рыцарь Картье, мы обделены хромосомой Икс-три.

– Чего нет, того нет, доктор. Впрочем, если дело только в хромосоме, то это поправимо. Породниться с домом Магов и растить детей.

– Об этом мы не раз говорили прежде, поговорим, если будет на то желание, и в будущем, но сейчас, боюсь, это пустая трата времени, – экономом торопился. В Крепости всегда много дел, а сейчас их ещё больше, дел, требующих непосредственного участия эконома.

– Не совсем, доблестный рыцарь Панин. Я не могу утверждать наверное, но у обоих кадетов, Ван-Ая и Дор-Си, были признаки наличия хромосомы Икс-три, – сказал доктор.

– Но разве все кадеты при поступлении не подвергаются

хромосомной проверке?

– Проверяются. И в родительских домах их самым тщательным образом обследуют маги. Никто не хочет упустить гадкого утенка. Но четкая дифференциация хромосомы Икс-три происходит с годами, иногда и в тридцать, и в сорок лет. Минимальными же магическими способностями обладают многие, но совсем не каждый может стать настоящим магом.

– Но эти двое...

– Возможно, у них было больше шансов. Но только возможно.

– Значит, магия... – протянул Картье. Случись пожар, авария, нашествие, эпидемия – он бы знал что делать. Службы Крепости были достаточно гибкими, чтобы решить практически любую проблему. Но вот магия...

– Я думаю, лучше всего поручить это дело Фомину. Пардон, доблестному рыцарю Кор-Фо-Мину, – проскрежетал голос из рупора. Как всегда в критической обстановке, Командор брал управление на себя. – Его бесценный опыт, полученный в замке Т'Вер, выделяет доблестного рыцаря среди остальных. В его распоряжении все ресурсы Крепости, каждый рыцарь Крепости должен оказывать ему всемерное содействие.

– Но... – попробовал было возразить Фомин.

– Это приказ.

Теперь и пробовать нечего.

– Готов служить, – ответил он.

– Мы на вас надеемся, – пожал ему руку Картье.

Остальные, покидая рыцарский зал, пожимали десницу молча. Что тут говорить? Назвали груздем, да и сунули в кузов. Ничего, не теряйся. Чем сможем, поможем. И обязательно помогут, если будет чем.

Вот и снова в крепости есть специалист по магии. О судьбе прежнего, Волкогонова, лучше бы и не вспоминать.

– Зайдите ко мне, рыцарь, – позвал его голос из рупора.

Как же, не вспоминать!

Фомин пошёл к дальней, неприметной двери, ведущей в командорский покой. Старшина постарался опередить его, раскрыл дверь и пошёл впереди по коридорчику.

Пахло озоном – кварцевые лампы сеяли стерильность. Излишняя предосторожность, но Нарейке так было спокойнее.

– Заходи, заходи.

Он и зашел.

Командор лежал в ванне, вернее, маленьком бассейне. Со времени прошлого визита, три года тому назад, он почти не изменился. Седина, так даже отступила. Трудно противостоять лысине, да и ни к чему. А мышц стало ещё больше, видно, тренажер, что висел над ванной, не простаивал.

– Я ведь нарочно тебя позвал. Догадываешься, зачем?

– Догадываюсь.

– Вот и ладно. Думай и действуй, действуй и думай. Ищи союзников. А, впрочем, моим советам цена невелика. Иди,

работай.

– Всего доброго, командор.

– Иди, иди...

Старшина довел Фомина до выхода и поспешил назад, к хозяину.

Конечно, не ради совета позвал его командор. Просто – себя показать. Это лучше всякого совета – видеть, что может сделать с тобою магия. Девять лет назад на Крепость ополчился одержимый маг Ин-Ста. Огненные дожди, едкий туман, полчища мертвецов – в общем, всё по полной программе. Волкогонов и Командор выследили мага и ликвидировали его. Неделю спустя скелет обоих начал растворяться, терять прочность, кости замещались хрящами, гибкими, податливыми. Через месяц они могли только лежать – или ползать. Волкогонов позаимствовал у Манарова старый и верный цианистый калий – с тех пор химик не оставляет ничего без присмотра. Командор решил жить – и живёт. С помощью биохимии и упражнений нарастил мышечный экзоскелет, живёт, по его собственным словам, жизнью настоящего барина-лежебоки. Ухаживал за ним старшина, которого Командор когда-то вырвал из рук лесовиков.

Доктор был убежден, что Командор и Волкогонов заболели. Делал сотни и тысячи анализов и выделил-таки с помощью Манарова какой-то особенный белок, который мог пережить не только кипящую воду, но даже и огонь. Пережить – не совсем верное слово, по всем понятием белок уже был

мёртвым. Но размножался безо всяких ДНК.

Биохимик, доблестный рыцарь Манаров считал, что если этот белок не есть магия, то что тогда нет и химии тоже.

Никто, кроме Волкогонова и Командора, больше не заразился – это при том, что первые дни после победы над магом Ин-Ста их несчетно обнимали, целовали и пили (по крайней мере с Волкогоновым) на брудершафт. Тем не менее, Командор сам настоял на строгом карантине. Он и сейчас разговаривал с Фоминым из-за прозрачной, но непроницаемой пленки. Многоступенчатая фильтрация воздуха и воды, прочие хитрости, которые по указке доктора делал Фомин, вспомнив основную специальность – бортмеханик.

Бортмеханик, посол по особым поручениям. А вот теперь – специалист по магии. Нет способностей? Ничего. Охотник на уток не обязан уметь летать, а рыбак – метать икру. Будем думать и действовать, то поврозь, а то и одновременно.

Он шёл по Крепости, гадая, с чего начать. О чем думать-то? Кадеты постигали премудрости сабельного боя, эконом выговаривал садовнику за небрежно постриженные кусты, рыцарь-послушник Ор-Ок возился со щенками шакалов, надеясь если и не одомашнить их, то закрепить, каменщики строили новый амбар. Крепость росла, росло и хозяйство. Жизнь прошла мимо смерти, и стремилась уйти как можно дальше.

Осмотреть место происшествия, вот что нужно, вспомнил он. Интересно, есть ли на инфо-кристаллах «Записки о

Шерлоке Холмсе»? Вряд ли. Емкость кристаллов позволяла записать на них все книги мира, но комиссия по подготовке полёта «Королёва» очень ревностно отбирала достойные произведения. Технические справочники были, «Поднятая Целина» была, ещё много считавшейся полезной литературы упаковали в кристаллы, но книги бульварного буржуазного писателя к полезным не относили. Правда, многие принесли завлекательных авторов контрабандой, но в полёте все эти детективы, страсти-мордасти с инопланетными чудищами и эпопеи плаща и шпаги действительно не читались. Если что и волновало, так «Мёртвые души», «Записки охотника» и прочие сугубо прозаические скучноватые повествования. Он сам раз пять перечел «Степь» Чехова.

Но потом интерес и к старой, проверенной временем литературе как-то угас. Страничку-другую перед сном – и довольно. А техническую литературу, инструкции по эксплуатации зубрили непрерывно. Сначала свою, потом смежников, потом и забирались совсем в далекие от себя дебри. Считали, что в полёте все пригодится, и веревочка тоже. Кое-что действительно пригодилось, но уже после полёта. Пироксилин и метакевлар, дю-булат и паровые машины.

В караульном помещении Фомин застал Барка. Рыцарь-послушник показал немудреную технику связи. Провода, верёвки и колокольчики. Дернешь за провод, колокольчик и звякнет. Будто кота за хвост. Азбука Мурзе.

– Вот эти верёвки, видите, шершавые на ощупь, это важно

в темноте – для проверки связи. Один звонок – всё в порядке. Два звонка – вас слышу.

Проволока – тревожный сигнал. И колокольчик здесь другой, слышите? Потолще голосок. Один звонок – непорядок. Два – явная угроза. Три – всеобщая тревога.

– Какие сигналы вы получили этой ночью?

– С Полуденной Глаз-башни – один тревожный звонок. Причём слабый. Это иногда бывает – от порыва ветра, например. Поэтому я послал требование подтверждения – сначала на Полуденную Глаз-башню, а, когда ответа не получил – на Глаз-башню Восхода, – и дальше Барк добросовестно изложил то, о чем Фомину было уже известно. Пришлось слушать.

– Сейчас на Глаз-башнях кто-нибудь есть?

– Нет. Доблестный рыцарь Картье приказал приостановить несение наблюдательной службы вплоть до вашего распоряжения, доблестный рыцарь Кор-Фо-Мин.

– До моего распоряжения? Ладно. Проводите меня на Глаз-башни. Сначала на Полуденную.

– Здесь нёс дежурство кадет Ван Ай, – пояснял рыцарь-послушник. – Сигнальные шнуры работают исправно, я уже проверил.

Фомин не поленился встать на четвереньки. Увеличительное стекло нужно будет заказать, что ли. Но первую находку он сделал на ощупь – вытащил из-за кресла маленькую, на три глотка, флягу.

– А это что такое?

– Это? В таких флягах обычно хранят караульный морс. Отвратительная штука, но сон снимает на всю ночь. Разрешена уставом.

– Да? – Фомин отвинтил колпачок, принялся. Пахло ужасно. Вдруг кто-то подсыпал злого дурману? Нужно будет отдать Манарову на анализ. Но никакой дурман не переломит меч.

Он уселся на креслице, просторное для кадета, но тесноватое для рыцаря. Ничего, выдержит.

Давненько Фомин не видел Крепость с высоты птичьего полёта. И птицы-то повывелись, одни браухли летают. А красота осталась. Дух захватывает.

Ах да, ещё куры есть. Куры не летают, зато несут яйца.

Он перегнулся через ограждение. Запросто не упадешь, нужно крепко постараться.

Внизу он видел очерченный белилами силуэт. А падал корнет не отвесно, нет.

Да и падал ли, если кости целы?

Из-за плеча высунулся Барк. Ну, как подтолкнет? Чем и плохо случившееся – начинаешь подозревать невесть что.

– Вот что, ищущий Барк, у меня для вас дело. Вы с ним справитесь лучше, чем кто-либо другой.

– Я горд вашим доверием, доблестный рыцарь.

– Поговорите со всеми кадетами, особенно с теми, кто был хорошо знаком с Ван-Аем и Дор-Си. К вечеру я должен

знать, чем дышали, о чем думали, что видели во сне Ван-Ай и Дор-Си. Второе. Порасспросите, не было ли во время дежурств наблюдателей чего-нибудь такого, о чем они не докладывали вам, как не попадающим под параграфы устава. Может быть, мерещились феи, или разбирала беспричинная тоска, или сердце вдруг жаждало мира и счастья для всех и даром, или просто нападала икота – в общем, незначащие или слишком личные события, переживания, мысли. Можете взять в помощь двух-трех кадетов потолковее, работа большая. Дежурства наблюдателей отменяются до последнего распоряжения. Пока всё.

– Готов служить, доблестный рыцарь, – и Барк, не теряя ни мгновения, поспешил вниз. Почти со скоростью свободного падения.

Служба наблюдателей была отнюдь не только учебной, но и нужной. У кадетов и зрение зорче, и слух острее, да и нюх порой мог на что-нибудь сгодиться. Конечно, они – не единственная служба предупреждения, но необходимая.

Сверху видно было, как спешит Барк в кадетский корпус. Чего не отнять у рыцарей-послушников – так это рвения. Спустя рукава никто не служит, никто не работает. Селекция. Лодыри и бездельники гибнут на стадии зиготы. Жесточайший отбор.

Он осмотрелся. Раз уж нет наблюдателей, нужно самому приглядеть за границами Крепости. Не видать ли Поющих Выползков, Чёрной Саранчи, Саблезубых Пьявиц и прочих

супостатов Тьмы?

Не видать. Полдень же.

Но из леса вышел путник, пеший. Верно, добрый человек, раз застава пропустила. Добрый и смелый. Земли Крепости, положим, безопасны, так надо сюда ещё дойти...

Были безопасны. Но теперь...

Фомин нехотя спустился вниз. Там, наверху, можно притворяться, что думаешь, размышляешь. А здесь...

Он поднялся и на Глаз-башню Восхода, но уже не предаваясь надеждам о внезапном озарении посреди открывшегося благолепия. Никаких потайных записей или следов загадочных существ. Картина повторяла Глаз-башню Полуденную, разве что фляжка с караульным морсом аккуратно висела на крючочке и была полнѐхонькой. Порадуемся и этому.

Потому что больше причин для оптимизма не находилось. Хорошо, конечно, было бы оседлать Бышку, застоялся тур, выехать во чисто поле и вызвать на честный бой злодея-чародея. Но злодеи-чародеи на честный бой не выходят по определению. Да и он, знай месторасположение этого злодея, не саблями бы махаться стал, а послал парочку ПУРСов, один с шимозой, другой с напалмом. То-то было б весело!

Он ещё раз осмотрел местность. Всё спокойно, все безмятежно. Путник всё идёт. Куда ж ему деться-то. Взялся идти, так иди. Взялся думать, так думай. Если не знаешь о чем, думай хоть о чём-нибудь. Сомнительная мудрость, но выбирать не приходится.

Фомин отнес обе фляги Манарову. Вдруг что да найдет. Потом зашел к доктору. Тело Ван-Ая осмотрел, не из недоверия к заключению Нарейки, а просто чтобы злей быть.

Дор-Си лежал в особом отсеке. Сквозь круглое окошечко (противометеоритное стекло «кремль») виднелся саркофаг, из которого тянулись провода да трубочки.

– Никаких изменений, – не дожидаясь вопроса, через интерком сказал Нарейка. Он был там. У больного. – Не дышит. Сердце не бьется. Однако лимфа, хоть и медленно, но циркулирует. Температура тела на градус ниже окружающей.

– Почему?

– Не знаю. Вялотекущий эндотермический процесс? Но что это за процесс? Не знаю.

– Ты что-то говорил о хромосоме Икс-три (с Нарейкой Фомин был на «ты», этикет оказался бессилён. Язык не поворачивался выговаривать «доблестный рыцарь Но-Рей-Ка» даже в присутствии чужих).

– Это всего лишь мое предположение, но кажется, что хромосома Икс-три ответственна за так называемые магические способности. Впервые я обнаружил её, анатомируя Ин-Ста. Потом она попадалась ещё дважды, пока маги не стали обходить Крепость стороной. Похоже, при определенных условиях её формируют митохондриальные ДНК. Они есть в каждом – в тебе, во мне, но иногда они покидают митохондрии и ассоциируются в дополнительную хромосому. Материала мало. Маги, они за собой следят. Ногтя, волоса без

присмотру не оставят.

Так вот, я проверяю всех кадетов. И у этих двоих ещё год назад хромосомный набор был самым обыкновенным. А сейчас... – он включил негатоскоп.

В глазах зарябило.

– Это... это и есть хромосома Икс-три?

– В том-то и дело, что я не уверен. Возможно, она только начала создаваться. Тут есть над чем подумать.

– Я подумаю, – пообещал Фомин.

Думал он и за обедом, легким, трезвым, не отягчающим ни души, не желудка. Если оба паренька становились магами... Нет, не так: если у них проявлялись способности к магии, то не в этом ли причина случившегося?

Кто-то (или что-то) вдруг не захотело, чтобы у крепости появились свои маги? Но зачем убивать? Любой Дом вправе был вернуть под свой кров кадета, если у того вдруг объявились способности к магии. Право это никогда и никем не оспаривалось – не было безумцев, желающих восстановить против себя всю Лигу Магов. Ван-Ай пришёл в Крепость из дома Мин, Дор-Си – из Дома Эрарту. Оба дома – союзники с давних времен, прежде не прочь были на пару разорить соседа послабее, но сейчас времена спокойные. Бумажная нынешняя империя или нет, но междоусобиц не терпит. Поэтому приходится простой продукт иметь, чтобы обменять на золото. Любой из этих Домов с радостью забрал бы нарождающегося мага, ещё бы спасибо сказал за ласку и заботу.

Враги этих домов? Да, враги могли бы. Есть ли среди врагов дома Мин и Эрарту могущественные маги? Тут нужно поработать. Хотя маг, способный сотворить такое, должен быть очень могущественным. Кто-то уровня Ин-Ста. Мы-то думали, что повывелись такие маги.

Или это была магия негуманоидная?

От продуктивных размышлений его оторвал вестовой:

– Доблестный рыцарь, в замок явился путник.

– Замечательно.

– Он, вернее, она, настойчиво просит встречи с вами.

– Да? – с сомнением проговорил Фомин. Его знали многие, и приходили порой с милыми пустяками: похлопотать о займе, крохотном, в десяток-другой марок – для создания трансмутатора. Купить древний свиток с тайными тропами в Навь-Город, по ним ещё прапрадед ходил искать сокровища, да повстречал на пути Зубастого Выпозка, но что Выпозок доблестному рыцарю? Сейчас досужий визитер был бы некстати.

– Прими, душа моя, уважь старика, – дребезжащий голос раздался сзади.

Фомин обернулся. Старик в пурпурной тоге непринужденно стоял у окна, снисходительно глядя на рыцаря.

– С кем имею честь?

– Видение пред тобою, морок. Но прошу всерьёз, потом благодарить будешь, – и старик неспешно исчез – сначала поблек, выцвел, потом стал полупрозрачным, а потом и во-

все сгинул.

Вестовой ошеломленно смотрел на пустое место.

Фомин вздохнул.

– Проси, чего уж там.

II

Тревога, разлитая повсюду, вдруг собралась в одном месте. Так и болезнь порой долго блуждает, прикидываясь то простудой, то головной болью, то ломотой в костях, пока однажды не явится злой опухолью, пожирающей и плоть, и душу.

Старуха задумалась. Болеет-то не она. Можно сделать вид, что ничего не заметила. Отвернуться, и беда пройдет мимо. Только перед кем вид делать? Перед собою?

А польза в чём? В покое. Но покой без воли отдаёт могилкой. Некоторые прямо в гробах и спят. Всегда готов! Ко всему. В свинцовом храниться, в хрустальном любиться, в еловом провалиться.

У неё – полный гардероб. Все перепробовала: и березовый, и дубовый, и даже палисандровый. «И саван, словно сарафан, под ноги девичьи скользнул...» Кто же это сказал? Забыла. Забывать она не может, если только сама не пожелает. Получается – пожелала. Захочет – и опять вспомнит, только зачем? Вспомнить, а потом считать, сколько веков назад он умер? Ещё одна река грусти и сожаления. Стоишь на берегу, а прочь, в никуда уходят друзья, любимые, дети, внуки, правнуки правнуков – и конца этому не видно.

Вот и сейчас выбор богат – лечь по-стариковски на печку,

да смотреть, как кот будет мышей ловить. Кот – существо простое. Видит мышь – ловит, нет – сторожит норку. У неё не мышь, иной противник. Собираться на собственную охоту пора. Собственную – потому что она будет и охотницей, и дичью. Весело-то как! Особенно первый раз. А хоть и десятый! Раз в сто лет отчего ж не развлечься? Тряхнуть старинной, чтоб осыпалась, смести и в печку... Или просто в мешочек, для Аптеки Волшебный Снадобий: «старость вековая, три унции». А самой омолодится до возраста желания, только горячее сердце спрятать в каменное яйцо, каменное яйцо в летучую утку, летучую утку в огненного волка, а огненного волка пустить на солнечную сторону Меркурия. Хватит. Была у неё, помнится подружка (не забыла, знать, не самая близкая!), вместе галантный век создавали, на свой вкус. Подружка и мужа убила, и племянника, и даже сына с того света достала – всё ради власти над людьми. Ей же интересней была власть над собою. Молодость знает, старость может, и вообще нет ни старости, ни молодости. И не было никогда.

«Как так – без молодости? Мне нужна молодость, иначе все – ни к чему»

Подружка в своих стремлениях преуспела. Милая Фике, поменялась ли бы ты со мною судьбами сейчас? Теперь бы у тебя была вся молодость мира – но только у тебя одной.

Но ведь и вся старость тоже?

И вся старость. Только, знаешь, настоящая старость начинается после первой тысячи лет.

Но об этом мы поговорим потом.

Она оглянулась. На тарелке лежало одинокое яблоко. Быть ему молодильным!

Надкусила, чувствуя, как кислый сок сводит челюсти. То ещё яблочко, лесное, дикое.

Яблонька, яблонька, укрой меня своими ветвями...

И яблоня, и яблонька, и остальное – реквизит. Дань традициям. Бессмысленная дань, но убери традиции – что останется?

Гробы повапленные.

Она не заботилась об одежде, обуви, чего-чего, а подобного добра она не хранила. Придумает, если захочет. Придумает буквально.

Кот потерся о ноги. Чувствует... Куда ему без неё? Века одиночества кошачьего, пожалуй, ещё непроглядней, чем у неё. Какие у котов воспоминания?

– Полезай в котомку, – разрешила она.

Кот подчинился. Именно подчинился, мол, Как Прикажешь, Хозяйка, Хотя Я Бы На Твоем Месте Предпочел Покой. Наловили Бы Мышей, Устроили Бы Пир На Двоих. А Весь Мир – Это Слишком Много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.